

Когда все талантливо...

> Великий Виктор Черноморцев попал в оперу случайно

В СВОИ 64 года он достиг всего: работает в, пожалуй, лучшем оперном театре мира – легендарной Мариинке, стал народным артистом России, получил «Золотую маску» за лучшую мужскую роль в опере Вагнера «Золото Рейна»...

Его имя знает весь оперный мир – концерты заказывают даже большие бизнесмены на корпоративных мероприятиях... А он с большим удовольствием ездит по провинции – дважды приезжал в Магнитогорск на фестиваль «Вива опера!», где был бурно принят горожанами в роли Риголетто и на концерте русских романсов. И еще у него красивая звучная фамилия: Черноморцев.

– Виктор Михайлович, вы проработали восемнадцать лет в Самарском оперном театре и теперь говорите, что ваше становление прошло именно там. А как же Венский оперный театр, Мариинка?.. Или подобные заведения берут уже готовых артистов?

– Конечно, я был уже готов, столько времени проработав в периферийной опере. Это не то что столичные театры, где в труппе восемь баритонов, и у каждого свой репертуар. Там я был один и все баритоновые партии исполнял сам. Впрочем, в Мариинском театре тоже перепел практически весь репертуар.

– Ваша фраза: «Мне всегда нравились смелые люди, которые не боятся трудностей и гребут до последнего». А вам приходилось гребти до последнего?

– Конечно. В работе над ролью иногда приходится добывать что-то такое внутри себя, чтобы преодолеть трудности. Допустим, оперы Вагнера, которые считаются наиболее сложными произведениями мировой оперной культуры...

– Наша землячка Ольга Сергеева в Мариинском театре поет Вагнера.

– Да-да, вот мы с ней и поем. Мне пришлось спеть все «Кольцо Нибелунгов», а это, так сказать, не баран чихнул.

– Почему все наперебой твердят, что самая большая ваша творческая удача – это работа в Мариинке? Разве Вена менее престижна?

– Мариинский театр – живой организм. Там репертуар вырастает, как грибы. И надо все сделать быстро: за месяц-полтора успеть выучить, сыграть с певцами, дирижером... Плюс к этому участие в текущем репертуаре, поездки за рубеж, по стране...

– Итак, из Вены вы уехали, получив приглашение Гергиева работать в Мариинском театре. Как семья отреагировала? Петь-то, может, лучше в Петербурге, чем в Вене, а вот жить спокойнее в Австрии, нежели в России...

– (Смеется.) Я бы не сказал. Жить везде хорошо, когда есть работа, настроение. Когда есть, я бы сказал, интерес к жизни.

– Я думала, вы скажете: когда есть деньги.

– (Смеется.) Деньги тоже играют не последнюю роль, особенно сейчас – не хочу углубляться в эту тему. Это, к сожалению, беда огромная, поэтому жалко, что такая прекрасная страна, богатейшая, а люди живут в нищете... Что касается семьи... Мне повезло с супругой – Лена всю жизнь посвятила тому, чтобы служить семье – мне, дочери, теперь вот внученьке нашей обожаемой. Причем, ведь она была такой и в Самаре, когда я еще начинал – никому не известным певцом. Когда человек лелеет надежду на хорошее будущее, идет к нему планомерно и готов к трудностям, он добивается огромных успехов. Это и есть: гребти до последнего. Пробываться приходится трудом – ничего другого человечество не придумало.

– В разговоре вы производите впечатление спокойного, даже, я бы сказала, не очень эмоционального человека, а на сцене творите такое!.. Эмоции отнимает сцена, или вы действительно не такой экспрессивный?

– (Смеется.) Я спокойный до тех пор, пока меня не выведут. Но могу защитить и себя,

и семью: если меня вывести, становлюсь совершенно другим человеком. В целом же, как и всякий большой человек, – добряк в душе. У меня нет ни зависти, ни жадности.

– Вы говорили, что приемлете современную трактовку постановки оперы при условии, что это сделано талантливо, а не (цитирую): «...чтобы на сцене торчала одна ржавая палка как признак современного стиля». А что к душе ближе: классика или новаторство? Ведь Мариинка, насколько я слышала, теперь увлекается именно новаторством.

– Мне, конечно, по сердцу больше традиционность и красота. Вообще люблю все красивое. А Мариинка действительно предпочитает теперь слишком уж новаторское. Иногда даже удивляешься Маэстро (Валерий Гергиев. – Прим. авт.). Но он человек неординарный, думающий, тонко чувствующий, так что в его руках все получается в основном прекрасно.

– Два года назад в интервью вы сказали: «Гастролей много – это необходимо для творческого роста артиста». Виктор Михайлович, куда уж выше? Неужели вы что-то еще не умеете?

– Я имел в виду больше молодое поколение певцов, что надо обязательно гастролировать, а главное, работать в разных жанрах – опера и камерное творчество, например. Это помогает певцу найти какие-то тонкости в произведениях, сделать концерт интересным, ярким. Человеку всегда есть к чему стремиться. А вот если он остановился – все, можно считать, умер. Во всяком случае, интереса не представляет.

– Когда я спросила, почему приехали в Магнитогорск второй раз подряд, вы сделали комплимент нашему городу, фестивалю... А в одном из интервью прочла, что вы принимаете практически все предложения от российских городов участвовать в оперных форумах. Что вас, видевшего весь мир, влечет в российскую глубинку?

– Во-первых, очень люблю все новое. Потому что новое – всегда интересное. И потом, напрасно вы считаете, что в столице все обязательно лучше: бывает, что в глубинке такое встретишь, чего не найдешь ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге, ни в Париже. А что ка-

сается таких городов, как Магнитогорск, так здесь живут чудесные люди, не избалованные зрелищами, которым все интересно. И я с удовольствием выхожу для вас на сцену.

– А вы россиянин по духу или уже космополит, как та же Анна Нетребко?

– Я чистый россиянин. Родом из Краснодара, очень люблю Кубань. И вообще, все, что касается нашей огромной многострадальной страны, – мне безразлично.

– Вы уже два года преподаете. Один из ваших воспитанников, Александр Никитин, – солист Мариинского театра. Возможен ли был его приход в лучший театр мира, если бы не протекция самого Черноморцева?

– Нет, что вы – он вышел и спел. И этого было достаточно, чтобы Маэстро принял решение в его пользу.

– А возможно в Мариинку попасть по блату?

– Гергиев любит голоса, людей, которые что-то имеют у себя внутри, он это слышит, чувствует и видит – и тут никакая протекция не поможет. Сумеешь понравиться – ты солист.

– Вам повезло с фамилией, как вам кажется? Она, по-моему, звучит так же мощно, как ваш голос.

– Мне тоже нравится: яркая, красивая, действительно, мощная.

– Ваша фраза о молодежи: «Сейчас нет трепетного отношения к молодым певцам: есть голос – работай, нет – тут же возьмут другого»...

– Я говорил к тому, что раньше была система наставничества, и молодежь подрастала под присмотром мастеров – как бы дорастала до тех или иных ролей. Теперь как: если сможешь петь все сразу – честь тебе и хвала. А ведь далеко не все оперные партии способен спеть молодой и даже очень талантливый артист. И получается, что за десять лет «выжимают» из певца все соки – и все, нет артиста. Не усмотрели вовремя, не поняли, что нет пока «физики», мастерства – и сразу дали партию, к которой еще надо шагать и шагать...

– Вы стали дедом. Дочь не пошла в музыку. А внучку станете тянуть?

– У дочери всегда были хорошие руки, могла быть великолепной пианисткой – но выбрала другую стезю: сначала была инженером-программистом, потом стала мастером по

прическам. Внучке два с половиной года, она уже со мной поет, любит это... Я ей пою колыбельные, потихонечку, конечно, не как на сцене, и она засыпает (улыбается).

– А более общо – как вы считаете: если у человека есть талант, но нет желания этим заниматься – он должен развивать свой дар или повиноваться зову сердца?

– Тут, знаете, насильно мил не будет.

– А бог не накажет за то, что дар растрастил?

– (Задумывается.) Не знаю... Как-то был в отпуске на Кубани. Сажу с удочкой, вдалеке пашет трактор, и я слышу мощный бас. Бросаю удочку, бегу туда – сидит здоровый красивый тракторист, такой детина, и поет, перекивая трактор, – уникальный голос. Познакомились, я говорю: «Василий, поехали, будешь учиться, станешь артистом». – «Не-э-э, никуда не пойду, а чего я буду там робыты?» Вот так.

– Сравнивая оперные театры России и Европы, вы говорите, что у них совершенно другая оперная культура. Что вы имеете в виду?

– Там контрактная система. Допустим, ставится спектакль – собирают исполнителей, подписывают контракты, встретились с дирижером, пришел режиссер, поставили спектакль, пропели – и разъехались. Такого понятия, как штат, нет. В некоторых театрах есть хор, оркестр и артисты второго положения. А главных актеров приглашают со стороны на контракт.

– Опера, сказали вы, сейчас в мире процветает. О России в целом можно это сказать? Кто нынче приходит в ту же Мариинку: туристы или местное население?

– Не вдавался в такие подробности. Могу сказать только, что на спектаклях много молодежи – не только завсегдатаи. Это хороший знак – может, и выкарабкаемся.

– Вы прошли школу бокса – это нормально, в советское время все занимались спортом, а мальчикам сам бог велел уметь за себя постоять. Прошли также школу десантных войск – это тоже нормально, в советское время от армии никто не «косил». Но вот опыт работы дальноточником меня, честно говоря, ошарашил. Это было до оперной карьеры, или пришлось искать лучшей, нежели у провинциального певца, жизни – в плане финансов?

– Это до оперы. Я вообще в оперу попал случайно. Работал дальноточником, мой друг пришел из армии. Посидели в ресторане, потом шли по улице, и я пел русские песни. Собралась довольно приличная толпа, все слушают, некоторые подпевают. Подошла женщина – как оказалось, педагог Краснодарского музыкального училища Ксения Владимировна Касацкая. Она дала мне свой адрес и попросила с ней связаться. Но на следующий день уехал в рейс на месяц, естественно, забыл... Друг напомнил, я нашел записку с адресом, поехал – как ни странно, она мне обрадовалась. Так и началось: училище, консерватория, потом я уехал и стал артистом.

– Пользуется ли сегодня Черноморцев своим мастерством вождения авто – или, как многие столичные актеры, предпочитаете поездки в метро, где можно подумать, почитать. Тем более, среднестатистический житель Петербурга, думаю, не знает в лицо оперных артистов?

– (Смеется.) Нет, не люблю метро, мне не нравится слишком демократичная атмосфера, честно говоря. Вожу машину и чувствую себя в ней спокойно и уверенно.

– Вы окончили Московскую консерваторию. Никогда не хотелось жить и работать в столице?

– Мне много раз это предлагали. И я много раз пел в Большом театре, но... Я оказался человеком питерской породы, духа. А потом, есть народная поговорка: от добра добра не ищут. Да и Мариинка сегодня – это даже круче Большого театра ☺

РИТА ДАВЛЕТШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ